

Дворецкий сделал знак в сторону угла, и оркестр заиграл торжественный вальс. По обычаю балов, первый танец открывали омега и его отец.

Цзи Лэн, сидевший в углу, отставил бокал и принялся внимательно изучать этого омегу, который постепенно сбрасывал с себя оковы застенчивости. Сделав глоток красного вина, Цзи Лэн подумал, что внешность этого омеги — безусловно, одна из самых выдающихся среди всех, что он видел на подобных приемах за последние годы.

Тонкие, словно нарисованные на холсте брови слегка приподнимались к вискам, что лишало его лицо излишней мягкости. Большие глаза с чуть опущенными внешними уголками придавали ему вид невинный и беззащитный, а легкая, необъяснимая влажная дымка, периодически подергивавшая его взгляд, делала выражение лица невероятно живым. Худощавые щеки не казались болезненными, а ярко-алые губы, словно созданные без помады, невольно вызвали желание проявить заботу.

Цзи Лэн одобритительно кивнул про себя, но, случайно бросив взгляд на сидевшего напротив Гу Ханя, не удержался и скривился.

Хм, такой первоклассный омега — и достанется тебе? Мечтаешь о лебеде, жаба болотная? Смотри, как я всё тебе испорчу!

Гу Хань, чей стиль разительно отличался от утонченного Цзи Лэна, сидел, закинув ногу на ногу, а руку небрежно положил на спинку дивана. Вид у него был как у разбойника, спустившегося с гор; казалось, еще немного — и он присвистнет, чтобы приударить за омегой. И, надо сказать, если бы рядом не стоял отец парня, он вполне мог бы это сделать.

Гости поспешно отвели взгляды от Гу Ханя, мысленно чертыхаясь из-за его вызывающей, хулиганской манеры поведения. А что творилось в голове у этого предка Гу — всё было до безобразия просто: Неплохо, очень даже хорош. И как это может достаться такому, как Цзи Лэн? Посмотрим, как я все разрушу!

Когда вальс закончился, глава семьи Дун вывел Дун Вэйцина в самый центр зала, похлопал сына по плечу и отошел в сторону, давая понять, что теперь тот волен решать сам.

Согласно протоколу, наступал момент, когда гости могли продемонстрировать свои квантовые звери, символизирующие силу.

Гу Хань закатил глаза, показывая, что смотреть на этот павлиний парад выше его сил. Толпа альф и бет выпускала своих квантовых зверей, пытаясь угодить квантовому зверю омеги. Тот, чьего зверя омега выберет, получал право пригласить его на второй танец, а счастливчик автоматически становился избранным женихом.

Гу Ханя не то чтобы раздражала сама традиция, просто он не мог смотреть, как обычно грубые мужики из кожи вон лезут, пытаясь казаться милыми. Квантовый зверь отражает истинные

мысли человека, и, глядя на то, как эти здоровяки притворяются ради того, чтобы заполучить жену, Гу Хань хотел отправить их всех обратно в учебку на перековку.

Только представьте: его величественный Белый тигр — и вдруг начнет ластиться? От одной этой мысли у Гу Ханя по коже бежали мурашки.

Словно почувствовав нетерпение хозяина, Белый тигр, неизвестно когда выбравшийся наружу, тоже занервничал. Он кружил возле ног Гу Ханя, нетерпеливо помахивая хвостом.

С другой стороны, Цзи Лэн с интересом наблюдал за крошечным бурундучком, которого выпустил омега. Видимо, он ждал этого этапа. Не то чтобы он не видел такого раньше или имел какие-то виды, просто наблюдать за тем, как эти знатные господа позорятся, было забавно.

Первым рискнул хозяин енота. Небольшой размер и миролюбивый вид зверька легко могли привлечь бурундука. Раз зверь такой мягкий, значит, и хозяин неплох, верно?

Однако как только бурундучок проявил интерес, енота сбил с ног хвост подросшей змеи. Бурундук при виде змеи распушил шерсть. А та, казалось, ни о чем не подозревала, свернулась кольцами, высоко подняла голову и то и дело высовывала язык, словно демонстрируя свою мощь. Но тут же была схвачена за хвост черным медведем и отброшена в сторону.

Следом серый волк и золотой орел сообща вытеснили медведя с импровизированного ринга, но тут же орел, предательски сменив сторону, заклевал волка так, что тот позорно ретировался.

Животные, жаждущие проявить себя, один за другим окружали бурундука. Некоторые уже перешли к действиям, и, чтобы не терять лица перед омегой, звери тактично переместились во двор, где вскоре и их хозяева начали потасовку.

Цзи Лэн, глядя на этот цирк, выпустил своего Снежного барса, чтобы тот разделил с ним веселье. Барс лежал у ног Цзи Лэна, довольно постукивая хвостом по полу, и время от времени терся головой о ладонь хозяина, словно огромный кот, наблюдающий за представлением. Когда на арене льва замотали паутиной и, как шар для боулинга, выкатили из зала под улюлюканье других зверей, барс лизнул лапу и покачал головой, выражая полное удовольствие и насмешку.

Вдруг Снежный барс напрягся, встал, пригнув задние лапы — он явно учуял врага. Цзи Лэн заметил враждебность своего зверя к Белому тигру Гу Ханя, но несколько не возражал, позволяя ему выпускать ауру подавления.

Гу Хань тоже заметил беспокойство своего тигра. Он подался вперед, увидел объект ненависти и, небрежно откинувшись назад, подмигнул Цзи Лэну с вызывающей улыбкой.

Белый тигр сделал несколько шагов вперед и издал низкий рык, от которого в зале воцарилась

гробовая тишина.

Оба зверя одновременно повернули головы к притихшим гостям и их питомцам. Все присутствующие синхронно сглотнули, словно репетировали это много раз. Квантовые звери замерли, испуганно поглядывая на этих двух титанов. Песчаная лисица, которая уже почти коснулась лапки бурундука, под тяжелым взглядом Белого тигра моментально отдернула лапу и юркнула за спину хозяина.

Одной лишь дурной славы, которую эти двое заработали в армии за последние годы, было достаточно, чтобы заставить дрожать любого зверя, независимо от размера.

Белый тигр остался доволен произведенным эффектом и бросил вызывающий взгляд на Снежного барса. Тот не остался в долгу: ударил тяжелым хвостом по полу, припал к земле, готовясь к прыжку. Остальные звери в ужасе попрятались, боясь пошевелиться.

Гости в зале помрачнели. Они украдкой поглядывали на двух влиятельных особ, сидевших на противоположных диванах. Один невозмутимо покачивал бокал, любуясь игрой света в вине, и, казалось, был полностью погружен в этот процесс. Другой же, ловя на себе взгляды, лишь скалился, явно наслаждаясь хаосом и, возможно, желая подлить масла в огонь.

Все лишь молча поджали губы, не смея проронить ни слова.

<http://bllate.org/book/18580/1789070>